

ИСКУССТВО ЧТЕЦА

КОГДА высокий, широкоплечий артист появляется на сцене, у вас сразу же возникает беспокойное чувство — где-то вы уже видели этого человека и даже будто хорошо были с ним знакомы. Но где? Впрочем, как только он подходит к рампе и сам объявляет свой номер, все ваши сомнения исчезают. Ну, конечно же, Маяковский! Таким вот большим, мужественным (на голову выше всех в толпе), за нарочитой грубоватостью скрывающим свою застенчивость вы запомнили поэта по десяткам его размашистых, немного угловатых плакатов, автопортретов, фотографий, таким вы его представляли себе, когда читали «Хорошо!», «Необычайное приключение...», «Тучкины штучки», «Левый марш» и другие столь же своеобразные, беспокоящие и содержащим, и формой стихи и поэмы.

Лауреат Шестого всемирного фестиваля чтецов Андрей Гончаров отлично усвоил не только внешнюю, так сказать, «плакатную» форму подачи поэзии Владимира Маяковского. Накал страсти (то сдерживаемой, то, кажется, разрывающей строку), полемическая резкость, даже захлест, стремительный, способный испугать эпигонов интонационный взлет от самой интимной проникновенной лирики к высочайшему пафосу — вот так, кажется, должен был бы читать свои произведения сам величайший поэт социалистической эпохи... лет в двадцать пять, двадцать семь. Прекрасно, например, прозвучал в исполнении артиста монтаж «Уличные типы», «О дряни», «Пиво и социализм». Здесь он порадовал слушателей богатой палитрой сатирических оттенков (от презрительной усмешки до разящего, бичующего гнева) и тем, что можно назвать глубоким проникновением в ритмический и поэтический материал стиха. Очень светлым, мудрым и немного восторженным получился Маяковский в композиции, основу которой составляет очерк Льва Кассиля «Маяковский — сам». А вот в лирическом, сложном по замыслу и причудливому ритмическому рисунку, философском отрывке из «Про это» артисту как будто бы не хватило дыхания... или может быть собственных переживаний, чтобы почувствовать одно из ин-

тимнейших произведений большого поэта. Здесь Гончарову иногда изменяло чувство несомненно присущего ему такта, и он неожиданно драматизм подменял мелодрамой, переходя на театральный шепот...

Впрочем, это только незначительный срыв, лишь слегка испортивший общее хорошее впечатление от первой части концерта. Гораздо более серьезные претензии приходится предъявить Гончарову за его цикл стихов Сергея Есенина. Разумеется, артист имеет право на свою трактовку полюбившегося ему произведения, но, конечно же, нельзя таких несхожих поэтов, как Маяковский и Есенин, подавать в одной и той же манере. Боевой, наступательный пафос, воинственная публицистичность, юмор мудрого, уверенного в своей силе человека и глубокая, иногда скрытая, иногда развешивающая грусть, верные раздумья, перемежающиеся нотками разудалой песни, — можно ли их передать одинаковыми средствами? Ведь даже тогда, когда Маяковский и Есенин, видимому, говорят одно и то же, они говорят это очень по-разному. И если Гончарову удалось проникнуться строем мыслей, чувств, образов Маяковского, то с «творческой лабораторией» Есенина, с его очень своеобразной поэтической биографией ему только предстоит сживаться.

Андрей Гончаров не только чтец. Он и артист кино (недаром при первой встрече он показался нам таким знакомым). Кинозрители помнят его по таким фильмам, как «Своими руками», где он играл роль секретаря райкома Мартынова, «Над Тиссой» — начальник пограничной заставы, «Голубая стрела» — летчик, и по некоторым другим. Он нередко бывал у нас в Ростове, и его отличное мастерство подачи стиха Маяковского знакомо студентам наших вузов, рабочим городских предприятий. Гончаров выступал не только в филармонии. Он читал стихи на «Красном Аксае», Ростсельмаше и на других заводах. Хотелось бы пожелать ему большего успеха... и несколько более широкого тематического подбора сатирических и лирических стихов Владимира Маяковского.

В. СЕМИН.

На снимке: Андрей ГОНЧАРОВ.